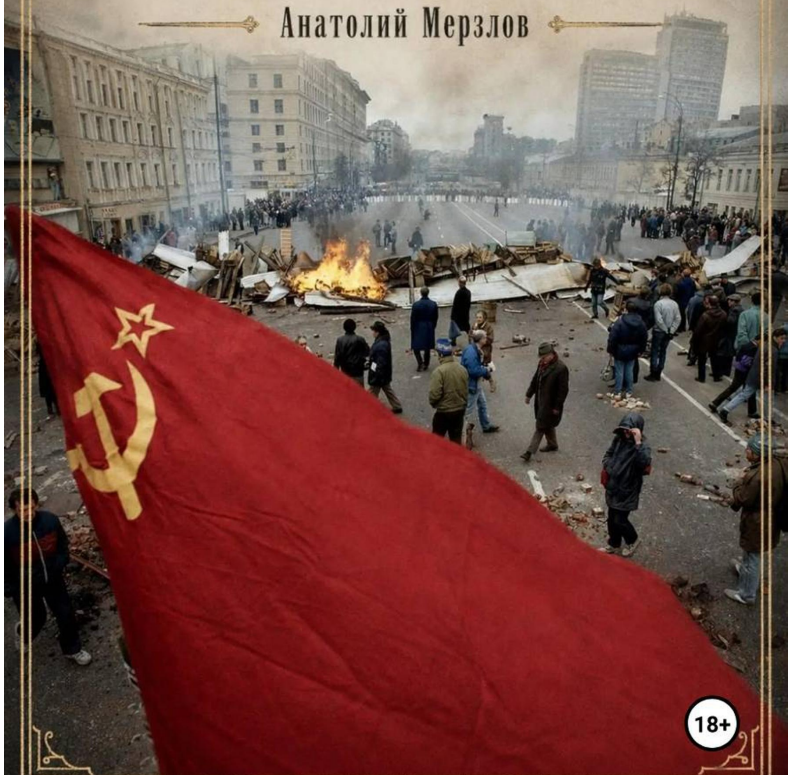

ОСТОДОП

Анатолий Мерзлов

18+

Анатолий Мерзлов

Остолоп

<https://litres.ru/74314917>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сюжетная линия, романа Анатолия Мерзлова Остолоп, звучит реквиемом перестроечной поре, в нем рефреном чередуются испытания на живучесть разных слоев российского общества. Земля – это не просто планета, это сложный символ, дающий человеку многое: от материальных благ, до нравственных уроков. Земля – это еще и планета, увы, рожающая гениев и дураков. Само название ОСТОЛОП пронзает разящей стрелой все деяния главных «массовиков-затейников» перестроечного фарса. Повествование свежо, без чувства безысходности, как это свойственно всему творчеству писателя Анатолия Мерзлова, мы живем в том реальном времени, в правде того времени, с реальными героями. Серенька – школьный учитель, Светлана-медсестра, Надюша – трагическая знакомая Сереньки, Саркисов – сиделый, следователь Наумский, Бычок – предприниматель Самвел Карапетян и многие другие персонажи преподадут вам вещий урок из нашей Новейшей истории.

Содержание

Аннотация.	5
ЧАСТЬ 1	6
Одно и то же петь на все лады,	6
Глава 1	7
Безумству храбрых поем мы песню...	29
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Анатолий Мерзлов

Остолоп

Писатель, академик МАНИ, профессор, А

натолий Мерзлов представляет социальный роман в шести частях.

Аннотация.

Сюжетная линия, романа Анатолия Мерзлова Остолоп, звучит реквиемом перестроечной поре, рефреном чередуются испытания на живучесть разных слоев российского общества. .. Земля – это не просто планета, это сложный символ, дающий человеку многое: от материальных благ, до нравственных уроков. Земля – это еще и планета, увы, рождающая гениев и дураков. Само название ОСТОЛОП пронзает разящей стрелой все деяния главных «массовиков-затейников» перестроечного фарса. Повествование свежо, без чувства безысходности, как это свойственно всему творчеству писателя Анатолия Мерзлова, мы живем в том реальном времени, в правде того времени, с реальными героями. Серенька – школьный учитель, Светлана- медсестра, Надюша – трагическая знакомая Сереньки, Саркисов – сиделый, следователь Наумский, Бычок – предприниматель Самвел Карапетян и многие другие персонажи преподадут вам вещий урок из нашей Новейшей истории.

Остолоп

•

ЧАСТЬ 1

Надежда.

**Одно и то же петть на все лады,
не станут птицы, если нет беды.**

Глава 1

Здравствуй, жизнь, легкая, волнующая, бьющая через край, как шампанское.

Душный поезд отстукивал очередные метры, увозя Серёньку все дальше от родного гнезда. Пейзаж делался все суровее, а в сердце все глубже западала тоска. Не страх, но судорожная неизвестность сковывала внутренний простор. Мысли делались куцыми и беспорядочно глупыми, как утиное семейство, застигнутое врасплох на стыке дорог. «Мартин Иден» не концентрировал внимание, хотя сюжет и слог вполне соответствовали завязке «драмы». Духота, постоянное перемещение людей, да поступательное движение в пространстве отупляли, делая тебя маленьким ничемным винтиком в нагромождении биополей и хаосе магнетизма. Пейзаж менялся с холмистого на равнинный, простор раздвигался, и мысли мало-помалу упорядочились. Лишь сопровождающие по лесополкам сороки вызывали неуправляемые нервные импульсы, пронизывающие грудь, возвращая в действительность. Семнадцать лет — возраст юный, всегда ищущий, вполне достаточный для умозаключений и примитивного анализа действий. Можно учесть отсутствие житейского навыка, повышенную эмоциональ-

ность, особенность идеологического долга, к ним ряд субъективных причин — останется «пшик», а попросту звуковой эффект - хлопок ладоней. Специфические датчики смогли бы учесть и эту энергию, но что она, в сравнении с «ниагарской», бушующей в груди — брызга упорядоченного миллиграмма на излете действия! Малейший лучик солнца возьмет ее назад, сделав, впрочем, составляющей грозной силы Великого прогресса.

Поезд вполз в ночь. В окне, как в зеркале, отразилось продолжение дневной суеты. В полузабытье, лежа на боковой полке в самом начале вагона, Серёнька слушал витиеватую речь охмуревшего проводника, обиженного на весь мир: ему, окончившему жилищно-коммунальный техникум, приходится прислуживать и шустрить, ради достойной жизни. Далеко за полночь сморило, шумовой фон отодвинулся куда-то далеко - поплыли невероятные картины отрывистого сна.

...Очнулся от треска динамика, голос оповестил: «Поезд прибывает на конечную станцию следования»... Сердце съежилось, замерев на мгновение: «Нужная станция осталась в туманной дымке летнего рассвета за сто километров назад». Обрюзгший, вывалянный в перьях проводник, при обращении к нему, силился вспомнить самого себя.

- Этому все невдомек, куда ему до меня, — подумал Серёнька и, наспех одевшись, затолкав в чемоданчик нехитрый скарб, вылетел вон из кислого вагона.

Вокруг незнакомый мир: старинная архитектура в стиле ампира, на серых фресках пыль веков — монументально и загадочно. Огромная привокзальная площадь запружена машинами и людьми, казалось, выпадет сейчас, среди знойного лета, снег — ничто не остановит снующую людскую массу. Первый самостоятельный выход в большой свет начинался с испытания на состоятельность. В сквере напротив, с «чучелом» в граните, нашел свободную лавку. На вздыбленных планках свободной, взгромоздился в неудобной позе, обдумывая свои дальнейшие действия. Под аккомпанемент вороньих разборок в кроне вековых деревьев, жевал вчерашнюю обсыпную булочку. «Давай без суеты, дружок, успокойся, весь день впереди. Билет пропал, денег — на скромный день. Добраться до места остается единственная возможность — короткими “перебежками” на электричках, пусть малым ходом, но наверняка». Судьба каждому за нас расставляет акценты: наши устремления одни, а мы, вопреки, движемся туда, о чем вчера даже и не мечтали. Воронье разгалделось пуще прежнего, сверху дождем полетели лепешки помета. Это, да изъян лавки заставили подняться. С сырыми мыслями Серёнька двинул-

ся в поисках пригородного вокзала. Его удалось найти его не хитро, по объемной вывеске на фасаде одного из прхитектурных изваяний, такого же серого и тоже в вековой пыли. Столбцы расписания слились в общий непробиваемый фон. С трудом выхватил нужное: «Направление на юго-восток». Ближайшее движение в нужном направлении через пятьдесят минут. ...Кому в жизни не приходилось совершать отчаянный, но не безрассудный шаг? Вопреки желанию мамы, Серёнька - так она его всегда называла, по своей инициативе отправился на поиски исчезнувшего десять лет назад отца. Серенька перекладывал все прошлые фотографии с отцом, знал наизусть его единственное, последнее, полное отчаяния письмо. В нем отец никого не винил, не называл обоюдных с мамой ошибок, а лишь грустил по утраченному. Запомнил отца Серенька отчетливо по единственному эпизоду: тот в летной куртке с запахом кожи и ГСМ вызвал его с урока в первом классе, тиснул неуклюже к груди в одиноком коридоре школы, и скорбно произнес:

- Прощай, Серёнька, прощай, сынок, увидимся мы не скоро. Далеко я еду. Серенька не успел что-то сообразить, помнил, как вошел в класс — долго не мог сосредоточиться и получил двойку, в итоге горько заплакал...

Серенька ехал по адресу на единственном письме

отца, изливающим ему свою душу, свою любовь к маме и к нему. Далеко не факт, что отец находится по месту. Не мог Серенька понять, из витиеватых объяснений мамы, в чем суть их разлада. Окончив школу, он выбрал киевский университет и журналистику. Знатоки этой сферы посоветовали ему не тратить зря время – вначале поработать на любой должности в редакции, заработать стаж, тиснуть в газету несколько столбцов, став публикуемым автором... И, может быть, тогда, предоставив что-либо из собственных сочинений, получить доступ к собственной состоятельности. В редакцию его не взяли – получилось устроиться на лесопилку. За полтора месяца он получил невероятные для него 100 рублей. Рассказики и эссе у него были, но через многократное прочтение, у него не получалось дополнить нужными красками их пустоту.

Серенька помнил напутствие своего учителя по литературе, в прошлом офицера пограничника:

- В писательском деле нужен житейский навык, твои знания, могущие кого-то заинтересовать. Умения слагать правильные предложения лучше одноклассников, и получать пятерки по сочинению, далеко недостаточно.

Серенька решил разрешить интригу: для начала найти своего отца, понять взаимоотношения родите-

лей и написать об этом. Он ухватился за эту тему и даже составил план будущего произведения. Мама противилась, но его решению противопоставила лишь возможные трудности, чем еще больше раззадорила его.

...Пошагав по перрону и, изучив его возможности, исключил свободное место на скамейке, рядом с шумными рекрутами. На другой скамейке присоседился с краю: две цыганки запивали раскрошенный на собственной цветистой юбке батон пахучего хлеба, одной на двоих бутылкой «Ситро». Сел скромно, не глядя на них, но все же привлек внимание.

- Красавчик, голубоглазый, дай ручку, погадаю. Денег нет, знаю. Может, кушать хочешь? — вкрадчиво обратилась к нему ближняя цыганка.

Серёнька повернул голову — его пронзили черные немигающие, как у змей, глаза. По спине пробежал холодок. Из-под повязанной поверх ушей косынки выбились пряди седых волос, делая тусклым ее молодое красивое лицо. По перрону дефилировал наряд милиции, ощупывая всех изучающим взглядом. Допив лимонад, цыганка встала, оставив свою спутницу, мгновением растворившись в прибывающей толпе. Тихий вкрадчивый голос сзади, в самое ухо - от ее дыхания всколыхнулись его волосы, заставил вздрогнуть. Цыганка села и, улыбаясь золотой фиксой, протянула

ему ароматный рогалик и бутылку кефира. Серенька опешил, не зная, как вести себя. А цыганка положила еду на лавку ему под бок и произнесла загадочно, нараспев:

— Покушай, соколики, потом расскажу все про тебя.

И они отвлеклись, затараторив на своем, непонятном ему языке. Серёнька видел скудность их стола и не смел притронуться к дару, хотя к его деньгам, он мог стать хорошим подспорьем. Цыганка перестала говорить, повернула удивленно голову, заглянула в его лицо. Черные уголья ее глаз потеплели:

— Ты гордый и правильный, так нельзя, схарчат и не подавятся, пропадешь, бери-хватай от жизни все, что само просится в руки.

Видя его нерешительность, она снизошла до теплого тона.

- Хорошо, возьми с собой, потом поешь.

Ее настойчиво-просительному тону невозможно было противиться — пришлось прибрать еду в сумку. На Сереньке сшитые по моде, расклешенные книзу, светлые лавсановые брючки, модная рубашка с воротником опаше, остроносые, с иголочки, мокасы — подарок мамы на выпускной. Внешне жалким его вид не назовешь, но как цыганка узнала, о его бедственном положении? В южном регионе, откуда он сам родом, о цыганах бытовало не лучшее мнение — подво-

ровывали, подшельмовывали, но у кого нет элемента наивности в семнадцать лет?! Кроме этого качества Серенька был готов помочь всякому слабому, верил в бескорыстное добро. Бродяги-цыгане воспринимались им, как экзотика. Меж тем, цыганка придвинулась ближе, взяла его руку — Серенька не противился, посмотрела внимательно на ладонь, прищурила глаза и в задумчивости покачала головой. Не отпуская его руки, перевернула ладонью вниз и накрыла своей ладонью.

— Послушай меня, соколик, внимательно, — запримечала она, устрашающе округлив глаза.

Сереньке показались ее слова наигранными и смешными. А цыганка продолжала, повысив тон:

— Очень тяжелая ждет тебя судьба. Но есть два пути: один—легкий, другой—трудный. Вижу: ты выбираешь трудный. На нем тебя ждут болезни и разочарования, но ты добьешься всего, чего хочешь, проживешь долгую, но тяжелую жизнь. Посмотри назад, видишь: из трещины в асфальте пробился росток. Там было дерево - его спилили, но любовь к жизни пробилла себе путь к солнцу. Твоя судьба будет такой же. Откажись от этой поездки, сядь на другой поезд, и все будет по-другому.

Подходивший электропоезд оповестил переполненный перрон о прибытии. Шикнув тормозами, оста-

новился.

— Иди, соколик, иди, или оставайся, — напутствовала цыганка.

Если бы он тогда знал, что ее слова окажутся пророческими, изменил бы он свою судьбу?!

— Оставь мне что-нибудь на память, — попросила, глубоко вздохнув цыганка, стоило ему сделать только попытку к действию.

Кто принимает всерьез слова случайной вещуньи, когда тебе семнадцать? Благодарный за внимание, Серенька не знал, что же ей дать. Кроме вещей, в сумке лежала книга Джека Лондона Мартин Иден и новенький компас, на всякий случай купленный перед поездкой. Он вытащил компас, отдал его цыганке и поспешил к ближайшему вагону.

— Ты будешь много путешествовать, — услышал он вдогон.

Электричка быстро набрала скорость, вокзал остался позади. Пригородные постройки отстучали последние метры пути. За окнами плыли поля с бесконечными рядами посадок и вездесущими сороками, перепархивающими с места на место. В наступившей полосе решительности, теперь не вызывающие тех острых нервных импульсов, напоминающих о далеком доме. Зайцы, подобные ему, судя по услышанному разговору, ехали в вагоне. Сзади, неказистого ви-

да мужичок, делился с соседом постарше опытом поездок на данном маршруте. Не имея подобного опыта, из разговора Серенька понял: самое неприятное — высадка на промежуточном полустанке и потеря многих часов до следующей электрички. Перспектива ночевки на лавке затерянного полустанка совсем не радовала, он поспешил в тамбур, так он решил, без позора добровольно сдать на суд контролеров — вдруг выслушают и сжалятся. Пронесло — удача улыбнулась ему. Через три часа он вынесся толпой на перрон узловой станции. Незнакомое нагромождение построек, растянувшийся на холме рабочий городок — все знакомое, вновь нагнали тоску одиночества. По мосткам и тропкам толпа рассасывалась в сторону поселения. Оторвавшись от хвостового потока, Серенька побрел к зданию станции под неусыпным оком милицейского наряда. Движение в попутном направлении можно было продолжить только через четыре часа. Небольшое помещение станции гудело множеством разноликого люда, совершенно безразличного к его беде. Спешно выбравшись из духоты помещения, Серёнька пересек улицу.

Глава 2

В пыльном сквере, у дороги, на широкой обочине голосовала группа людей. У всех руки забиты покупками, а скромная одежда выдавали в них сельских

жителей. В течение часа все разъехались — осталась одна, хорошо приметная своим высоким ростом девушка. Она продолжала оставаться с вновь подошедшей группой людей. Лихо вывернувший из-за поворота «Рафик», визгнув тормозами, резво остановился. Вместились все желающие, в том числе и видная модель, как он ее окрестил. Посмотрел на часы — скороталось почти два часа. Другого занятия на ум не приходило, поэтому, поневоле глотая пыль близкой дороги, он продолжал убивать время. Сереньку привел в неописуемое удивление странный факт: по обочине дороги в сторону сквера, под палящим солнцем, понуро брела, ссутулившись, знакомая высокая фигурка. На фоне чужих неприятностей, свои несколько померкли. Девушка с завидным упорством вернулась на свое прежнее место ожидания, занимая прежнюю позицию. Она, как-то внезапно засуетилась, метнула глазами на сквер и засеменила в его сторону. Жалким, отрешенным взглядом скользнула по фигуре Серёньки, неуклюже ткнулась в спинку его скамейки, начав сползать с нее. Подобно негнущемуся манекену, гулко брякнулась всем своим ростом на скамейку. Беленькие стройные ножки, заголившись высоко, противостественно вытянулись - она закатила глаза, захрипела слюной. Скамейка задрожала от ударов ее головы. В нос ударил резкий тошнотворный запах — Се-

рёньке сделалось жутко. Она билась головой и громко стонала. Самоистязание могло закончиться трагедией. Плохо владея собой от испуга и сострадания, он подскочил к ней, одернул задранное платье и охватил ладонями ее бьющуюся о скамью голову. Всплыло в голове услышанное когда-то слово — «падучая». Впервые, так близко и совсем неожиданно для себя, он увидел проявление этой страшной болезни. Жуткие конвульсии продолжались несколько минут — Серенька держал ее голову, затем они перешли в судороги и постепенно пошли на убыль. Напружиненное худенькое тельце безжизненно обмякло, став похожим на брошенную тряпичную куклу. Она открыла глаза, помутневшие, они медленно возвращались к жизни, пока ничего не понимая, словно вернувшись из неведомого далека. Серенька все еще не решался отпустить ее голову. Люди на обочине сгрудились, откровенно наблюдая за ними. Вытащив дрожащей рукой полотенце, Серенька стер ее мокрое мертвенно-бледное лицо. Она перехватила его руку, поблагодарив одними глазами. Серёнька пришел в себя, сорвался с места. В киоске неподалеку купил бутылку минеральной воды и вручил ей.

— Простите меня. Спасибо, — сказала она слабым голосом, принимая мокрыми руками бутылку. Не отрываясь, выпила с жадностью несколько глотков,

продолжая всем своим видом извиняться за доставленные ему неприятности.

— Вам нужен врач. — Вымолвил Серенька дрожащим от волнения голосом.

— Нет, нет, все прошло, мне уже лучше. Спасибо. Оказывается, на Земле еще остались хорошие люди, — прошептала она и посмотрела с благодарностью прямо в его глаза.

— Меня здесь все знают и не хотят брать в машину, боятся, будто я прокаженная. Эта болезнь совсем не заразная.

Она завозила, устраиваясь удобнее, в глаза бросилось расплывшееся мокрое пятно на ее голубом сарафане. А люди разъезжались, прибывали новые, очевидцев случившегося не осталось — больше никто не обращал на них ни малейшего внимания.. Серёнька поглядывал на часы—до электрички оставалось минут сорок.

— Как вы дальше? — спросил он, стараясь не смотреть на нее, дабы не смущать.

— Отдохну и буду пытаться уехать, — ответила она слабым голосом.

— Чем я лично могу вам помочь? — спросил Серенька.

— Мо-о-жете, но ведь вы не местный?! Вы куда-то едете! — почти воскликнула она, не отвечая прямо на

вопрос. По внешнему виду девушка казалась ему ровесницей, но высокомерное «вы», предложенное ею, возвышало общение. Поддерживая этот тон, Серенька рассказал ей свою нехитрую историю и настойчиво предложил помощь.

— Действительно, без сопровождения меня не возьмут. Помогите, пожалуйста, добраться домой. Деньги у меня есть, — проговорила она с вялой надеждой, задержав на нем взгляд.

— Если бы не мое имя, наверное, я уже давно бы очутилась в «дурке», — продолжала она.

Здесь трудно не понять, что только надежда на чудо поддерживает ее, придает силы, помогает существовать. Серёнька представился, сказав, что вжился с ролью маленького мальчика — так они познакомились. Чувствовалось — по появившейся суетливости, по желанию много говорить, у нее с новой силой проснулась потребность полноценно жить, как это обычно случается с людьми, перенесшими тяжелый кризис. Он слушал и молчал. В глухой деревеньке, в двадцати пяти километрах от районного центра, с неброским названием Селичевка жила она вдвоем с бабушкой. Отец «сгорел», как многие мужики здесь, от пьянки, мама умерла год назад от непонятной никому болезни. Старшая сестра сбежала почти сразу же на юг, ближе к морю, в поисках быстрого счастья. Сегодня она от

безысходности ездила в город дать телеграмму, хотела вызвать сестру хотя бы на время обострения болезни. Она боится ездить в город за всем необходимым, в том числе и лекарствами для бабушки. Последнее время приступы стали чаще. Месяц назад разбила в автобусе голову, теперь еще страшнее: примелькалась, городок небольшой, стали теперь узнавать и шептаться. Через дорогу, в проулке, Серенька нашел водяную колонку - Надя привела себя в порядок. Не прошло и пятнадцати минут, как микроавтобус «Латвия» мчал их по автострате в сторону зеленеющих впереди бескрайних лугов. Серёнька слишком часто ловил в зеркале заднего вида внимательный взгляд водителя. Сошли на совершенно безликой развилке, каких много уходило ответвлениями от основной трассы. Стоило только внедриться в разноцветье луга — он задохнулся его медвяным духом. От насыщенного парного запаха у Серёньки голова пошла кругом. Он смотрел в небо и оно плыло перед ним. В семнадцать лет чувства довлеют над иными приоритетами, но, так как он был юношей чувствительным и немного сентиментальным, скрытые от многих тонкости природы приятно обласкали его. Он остановился и сделал круг с распростертыми руками, показывая намеренность взлететь. У Нади, еще находившейся под психологическим воздействием приступа, всполошилось

под сердцем: «Он такой же, как я!»

По дороге Серенька опекал ее от перегрева и утомления. От большака до деревеньки шесть километров по солнцепеку. Одинокая березовая рощица, да островки ольховника далеко впереди — все, что оставляло надежду на отдых в тени. Но Надя, не успев присесть, спешно вставала и торопила его.

— Коровешку днем не доили, небось, стоит под забором и мычит, а бабушка нервничает, она плохо ходит.

Суетливо меняя свое положение по отношению к нему, перемещаясь то влево, то вправо, она всем своим видом подгоняла его, а он, как только мог, тянул время, помня еще совсем недавно бьющееся на лавке ее беспомощное тело. Надя пришла в себя, внешне казалась вполне здоровой, лицо ее порозовело, а рассеянный, немного притомленный взгляд мог сойти за элементарную усталость. Она хорохорилась и вслух строила планы на будущее, эмоционально рассказывая о своем хозяйстве. С ее слов и Серёнька полюбил добрую кормилицу коровку Куклу. Под ее неумолкающую трель — он представлял ее голос песней. Незаметно подошли к жилью. Подойдя к обвисшей калитке, слепленной из ольховых жердей, маленькая добродушная дворняга, извиваясь испуганным червяком, выкатилась под ноги, описав от признательности и

радости его запыленный мокасина. В душной мазаной хатке, на широких самодельных полотах, покрытых лоскутным рядом, их встретила учтивая старушонка. Она резво поднялась, качнувшись в сторону, по-своему подала ему рук. Могло показаться: для нее приход гостя — сущая обыденность.

— Варвара Николаевна, — бодро отрапортовала она, галантно преклонив седую голову

В этот день Серенька решил не спешить с отъездом и пошел переодеться в домашнее. Под навесом задней стены хатки Надя управлялась с коровой.

— Куклешка у нас умница, отдает молочко легко, стоит только взяться за вымя, — проговорила Надя с легкой отдышкой. — Познакомься, Кукла — это твой спаситель.

Рыжая пузатая коротышка, с большими белыми пятнами на боках и белой звездочкой во лбу, посмотрела на него, выставив вперед огромные лопухи ушей.

— Угостите ее корочкой хлеба, и вы станете друзьями, — сказала Надя, не нарушая процесса доения: две тугие струи, стремительно перекрещиваясь, ударяли со звоном в пенящееся молоко ведро. — Она маломерка, молока дает немного, сейчас и того меньше, отдаивается уже. В сентябре у нее должен появиться поздний в этом году теленок. Благодарная за корочку сухого хлеба, корова лизнула его руку шерша-

вым языком, дохнув в лицо горячим травяным настоем. Надя успела переодеться и была в коротком ситцевом, выгоревшем на плечах платице. Мелкие кукольские черты ее лица напоминали своей чистотой и открытостью, скорее маленькую девочку, играющую в дочки-матери, нежели хозяйку, обремененную заботами. Пелена тоски и утомленности в ее глазах рассеялись бесследно. Внутреннее напряжение Сереньки, связанное с ожиданием чего-то неотвратимого, незаметно прошло. И он с таким же азартом включился в работу. О корове и сельском укладе он знал до сих пор понаслышке, но интуитивно догадывался, что надо делать дальше. Они процедили молоко через двойную марлю, и Надя предложила ему парного молока. Оно пахивало навозом, но он выпил стакан до дна, не дыша, стараясь не подать виду. Надя выполняла все суетливо, со знанием дела. Ему было ее откровенно жаль. Он ходил за ней чуть ли не по пятам и напрашивался на всякую работу, понимая, что она не жалует себя. Кроме коровы и беспомощной бабушки, на ее попечении находились куры, индоутки с выводками и обширный огород (с сорняками здесь боролись успешно). Собираясь готовить обед, она пошла в огород и взяла его с собой.

— В городе человек всей этой первозданной прелести лишен. Посмотри, какая уродилась морковь. Для

меня счастье, когда я вижу результат своего труда. У нас всего понемногу: и огурчики есть, и помидорчики, всякая зелень, картошка, — откровенно делилась она с ним своей радостью, делая заготовку в пластиковый таз. С этого момента они неожиданно перешли на «ты».

— Трудно с поливом, особенно в засушливое лето, мне всего жаль — приходится заниматься поливом каждый день. Воду таскаю из колодца в бочку, где она греется, потом теплой, ее принимают растения лучше, поливаю огород. В городе Серёнька был далек от заготовок продовольствия: все приносилось с рынка. Обычная для нее окружающая действительность, здесь для него переставала быть воображаемой сеновальной экзотикой.

— Картошка пока очень молодая, но вот эти два рядка посажены мной под пленку раньше, посмотрим, что получилось, — приговаривала Надя с плохо скрываемой гордостью и, подав лопату, показала, как нужно правильно копнуть. На вывороте земли оголились нежно-розовые клубни, в большей части размером с полкулака. Надя опустилась на корточки, отряхивая их от земли, продолжая деловито приговаривать:

— Еще бы один хороший дождичек, и на зиму добрый запас картофеля был бы обеспечен.

Угомонилась она окончательно, когда пунцовое

солнце спрятало свою лысую макушку за синеющую на горизонте лесополосу.

— Ты когда-нибудь отдыхаешь? — спросил у нее Серенька, сам утоившийся к концу дня, сраженный ее неумной энергией.

— Отдохну, когда стану, как бабушка, — ответила она, глубоко при этом вздохнув. Что она при этом подумала, осталось для него тайной. И на следующий день он уехать не смог. Какая мораль должна была быть у него, когда он видел несчастную девочку. Надя настаивала на отъезде, а он медлил..

— Скоро приедет сестра — вдвоем мы горы своротим. Езжай, сам видишь, мне совсем хорошо, потихоньку справляюсь, — оправдывалась она. За бутылку два дня назад страждущий алкаш покосил в низинке неподалеку, в виднеющемся со двора сыром ложке. Назавтра, с утра по росе, она собиралась одна валковать, а потом и копнить готовое сено. Зимы здесь случались холодные, если хочешь выжить — нужен хороший запас кормов. Серенька не представлял, как бы она справилась с этим сама. Спозаранок они отправились вдвоем — он подавал, а Надя ловко укладывала себе под ноги пахучее до одурения сено. Пьяняще чистый простор русской глубинки, неведомый доселе сельский уклад, обезоружили его, сделали мелким и никчемным его прошлые. Вчерашние устремле-

ния Серенька забыл начисто, почувствовал и замыслил новый сюжет сочинения. Высоко в небе пели жаворонки, желтая трясогузка, не опасаясь, в метре от них добывала в стерне лакомых личинок. Тюркали перепела, предупреждая свои бесшабашные выводы о близкой опасности. Он много останавливался, делая вид, что утомился, а Надя подгоняла.

— Взялся за гуж, не говори, что не дюж. Сохнет роса, сено рассыплется и потеряет свою ценность. К обеду посреди скошенного ложка красовались три аккуратные конусовидные фигуры. С последней Надя съехала озорно, придерживая с боков свое старенькое легкое платье, но длинные стройные ножки ее все равно сверкнули очень высоко своей стыдливой белизной. Прошла неделя, сестра молчала, а работы все не убывало. За это время он дважды побывал в городе: отвез в районный центр несколько головок молодой брынзы, по ведру яиц, с мешок моркови — на вырученные деньги купил обозначенную Надей всякую всячину. Голосуя у знакомого сквера, Серенька понял: ему будет нелегко оставить одной этого больного, хрупкого на вид, но сильного духом самоотверженного человека наедине с непосильными житейскими трудностями. В очередной раз, после поездки на рынок, он возвращался назад, все оттягивая разлуку.

ЧАСТЬ 2

Быть или не быть...

Безумству храбрых поем мы песню...

Глава 1

Боль притупилась с наступлением рассвета. Она отдалилась тяжелым напоминанием в глубину воспаленного сознания, а больничные звуки поплыли маревом в полусонном сознании, на какое-то время приглушая остроту восприятия. Надрывный звук мотопилы из сна, с пугающей тяжестью в немеющих пальцах, перерос в реальный свистящий болезненный храп. С трудом пришедший сон, с легкостью февральского, чуть теплящегося шаловливого позыва, напомнил о существовании другой — иной жизни, вне окружающего убожества и страданий. Набирающий силу свет пасмурного утра, из огромного во всю стену окна, проявил в полумраке застывшие силуэты болящих, с каждой минутой все четче обозначая их силуэты. И вот уже страдальческие выражения лиц отчетливо проступили в немом ожидании грядущего дня. Бесшумно всколыхнулась занавеска двери, хрюкнуло в углу.

— Повернитесь, голубчик, укольчик... — наклонилась, высоко показывая литые красивые ножки, шустрая миловидная медсестра.

— Сегодня ну нисколько не почувствовал. Легкая у вас рука, Светочка. Дай Бог вам счастья, — довер-

шил скрип кровати отдышный шепот. Возвышающаяся над стонущей кроватью груди, тяжело перевалилась с боку на бок, испытав в очередной раз прочность ее конструкции. Неуловимо-бесшумно мелькнув в промежуток кроватей, медсестра тронула за плечо соседа справа — на что он покорно принял определенную позу.

— Грелочку ложить надобно, сплошные шишки, уже некуда колоть. Давайте попробуем в ногу, — почти скороговоркой, явно торопясь, произнесла полусшепотом она. Запахло спиртом — легкий шлепок, и сестра растворилась легким облачком на фоне всколыхнувшейся занавески двери. Знакомая картина и легкая возня вокруг отдалили сознание - от прикосновения он вздрогнул.

— Дремали? На бочок. Прекрасно. Расслабьтесь.

В голове проснулось мгновение всеобщей неизбежности, а, не подвластный больничной атмосфере легкий будоражащий запах ее женского присутствия, на мгновение отвлек мысли.

— Все, можно лечь удобнее, — огляделась она вокруг, касаясь жесткой кромкой своего короткого крахмального халатика безучастной руки. — Саркисов, приготовьтесь, у вас горячий укольчик, — с легкостью мышки оторвавшись от скопления кроватей, на ходу бросила, почти пропела она. Обрусевший, на

излете зрелых лет армянин, завозился, удобно устраиваясь на своем месте. Внезапно возникший в ушах, все нарастающий звон, и начинающий блекнуть, темными пятнами в глазах свет, принесли всеобъемлющее опустошение и тут же за ним вспышку неуправляемого страха. Сердце затрепетало, пытаясь вырваться из тесного заключения груди, с тугим упорством инородного тела просачиваясь в шею, в голову, во все отдаленные точки тела. Систола и диастола слились в единый рокот идущего вразнос мотора. Внезапный страх, как проткнувшая тебя стрела, сковал новой вспышкой мыслей картинами собственного погребения. Проплыли скорбные, потускневшие лица близких. Казалось, где-то в стороне, в другом мире, скрипели кровати, отпуская слабонервных в коридор. Испуганная медсестра зависла белым размытым пятном, источая дурманящий застоявшийся ночной запах женского тела. Она нервно мяла на запястье слившийся с судорогой пульс, в надежде найти подсказку в уплывающих глазах. В какое-то мгновение все сделалось безразличным, мелким. Скованность начала отпускать – в безысходном отчаянии увиделась возможность остановить процесс, зацепиться за этот идущий из зовущей туманности запах. За спиной медсестры, в просвете большого окна, маячило скорбное парсунное лицо Саркисова:

— Ничего, дружище, и хуже бывает, пройдет..., как с белых яблонь дым, — прогудел, идущий из раструба его голос.. Сестра растворилась, оставив в глазах легкое облачко спасительного ореола, через какое-то мгновение, напомнив о себе подрагивающим голосом.

— Укольчик в руку, миленький.

Игла вонзилась жгучим земным напоминанием в мягкий изгиб руки. В полумраке сознания, медленно, но ощутимо начали расширяться рамки восприятия, перевоплощаясь в испуганные глаза медсестры.

— Живем? — с удовлетворением прошептала она, глубоко вздохнув, пожимая своей дрожащей влажной рукой его безвольную руку, небрежно лежащую на мягкой части точеной ножки и (о счастье!) ощущающую тепло ее судорожно сокращающегося при дыхании живота.

Наверное, только Бог, силой своего высокого участия, мог дать такую благодать — возможность ощутить то, что еще вчера было непонятной, непреодолимой тягой воспаленного сознания.

Глава 2

Ветреный холодный февраль скрадывал больничное заключение, в такое время тянет в теплое помещение. Тем не менее, пересиливало уныние. Первое весеннее тепло особенно манит, но несмелые послеоперационные прогулки заканчивались быстро. Для

Этих теплых мест зима выдалась холодной и бесснежной. Стылые дни чередовались мимолетными потеплениями. А в сознании, как затянувшееся невольное заключение, укоренилось засилье аномального похолодания. В такое время невозможно заставить жить в торжестве грядущей не за горами весны, физически ощутить летнюю манящую прохладу лесопарка, раскинувшего под окнами голые унылые ветви. Как же трудно поверить, в некогда полноценные, бешеные рабочие будни. Рассеченный скальпелем хирурга бок, рубцевался аккуратной извилиной, оставаясь бесчувственным к прикосновению пальцев, и это доставляло определенный дискомфорт. В сознании стойко залег десятидневной давности криз. В одиночестве всплывали ощущения перенесенного: сердце начинало ускоряться, и ты, словно глубоководный ныряльщик, стремился поймать своими легкими спасительный воздух, глазами же найти скопление людей, будто в той дополнительной порции воздуха, и в том бессмысленном скоплении людей, есть единственное спасение от затаившейся на пороге опасности. К одинокой ветви высокого дерева прилипла черная точка какой-то большой незадачливой птицы. Отвлекая от суровой действительности, в голове мелькнула мысль о существовании еще одного безнадежного состояния. За спиной окружающий шумовой фон преломил-

ся в чье-то присутствие.

— Чем ты так увлечен? — дал о себе знать Саркисов, мягко коснувшись одними пальцами его плеча. В обращении и манерности произнесенной фразы, сквозила жалость и сочувствие — они придавали его голосу располагающую библейскую келейность. Мягко и вкрадчиво, боясь малейшей оплошностью нарушить участливый тон, как на исповеди священник, он продолжал:

— Мой малограмотный дед, крестьянин, абориген горного массива Кариндж — трудяга и добряк, наставлял в детстве моего отца, пытаясь убедить в полезности труда на собственной земле, рассказывая ему о тонкостях земледелия на скудных землях. Но какие более убедительные аргументы он мог противопоставить ссохшемуся не ко времени лицу, узловатым почерневшим ногам, в перевязи набухших вен обезображенным рукам?! Только жалость, сочувствие, да унаследованная покорность заставляли отца молчать. Закусив губу, он с ним в паре мотыгой вышибал искры из растущих, словно из-под земли камней, их земельного надела. А после смерти своего отца, а моего деда, мой отец убежал с родового места, не задумываясь, подальше даже от напоминания о горах. Поселился он в самом центре среднерусской низменности. Уже там, от русской матери, родился я. Странно, но его пастор-

ский тон и далекая от окружения тема, чудодейственно уводили от зреющего в груди, с приходом каждого вечера, навязчивого ожидания.

— Я тебе не мешаю? — спросил он, откровенно заглядывая в его отрешенное лицо. — Ты, до странного долго, живешь в детском страхе. И представляешь-ся всем, как ребенок - Серенька. Откуда это у тебя? В местах отдаленных я много думал — время позволяло. Полагал, все знаю о психологии человека. Пересек мой путь ты, и тут понял, как же я далек от совершенства. Проводив глазами, до сих пор прилепленное на одинокой ветви темное пятно — теперь распластавшуюся в потоке попутного ветра ворону, Серенька повернулся к нему в полный оборот, приготовившись слушать продолжение далекой ему, но успокаивающей тирады. Легкого кивка головы и позы готовности слушать, и без устного заверения, стало более чем достаточно, и он продолжал, постепенно входя в экстаз, в некотором отрешении, прихватив для большего признания искренности его локоть.

Глава 3.

Напряжение сегодняшнего утра сказалось головной болью. Придя домой после смены, заснуть так и не смогла. Поворочавшись около часу, с тяжелой головой вышла на кухню. Кот метнулся под ноги. Недоеденная миска темнела содержимым.

- Ах, тебе хочется участия и ласки? Ну, иди, иди ко мне. Кто же мне может их дать?

Громкий рык «доисторического существа» заполнил вакуум помещения.

- Не хочется думать, но тревожные мысли не дают покоя. По своей оплошности я чуть не погубила человека. Но ведь все обошлось, к чему теперь терзания? Надо было видеть, эти его голубые стекленеющие глаза, - никак не могла успокоиться Светлана. Порыв ветра задрезжал старым железом. Расшатанный подоконник лучше всякого флюгера определял силу и направление ветра.

- Расшалился в порывах, но, кажется, все же пошел на убыль, - пыталась она найти малейший позитив.

Застоявшийся воздух помещения сушил дыхание, усугубляя тяжесть головы. Придерживая от порыва, открыла форточку — в лицо ударила холодная освежающая струя.

- В чем же все-таки сущность бытия? – продолжала Светлана мысленную полемику.

- В обновлении?! - Кольнула шпилька-мысль.

Морозный бодрящий воздух быстро заполнял пространство, облегчая голову и осветляя мысли. То, что вчера казалось невозможным, неосуществимым, сейчас открылось спасительной перспективой. Упорядочились терзающие сомнения.

— Решено! На следующей смене пишу заявление и ухожу. Жанна с Лариской прижились в торговых палатках — не тужат, при каждой встрече неприлично подкалывают. Черт с ним, с красным дипломом, похоже, эта круговерть надолго. Одна за троих, а зарплата кукиш без масла. По запарке перепутала лекарства.

- Мамочка, подскажи мне сверху другой выход!

При воспоминании о маме сердце сжала тоска — глаза мгновением заморозили. Последнее время, как закономерность, в трудные для себя минуты, вспоминала свою худенькую, но такую стойкую к тяготам жизни, терпеливую маму. Утраченного не вернуть — ее мамочки, ее спасительной отдушины больше не будет никогда. Я слабее, неприспособленнее. Часть моей нощи мама всегда брала на себя. И моя осечка с мединститутом, и раннее неудачное замужество — все осело в мамином больном сердце. Лучше бы ты не потакала мне, корила, брала за шиворот. Может быть, все и сложилось бы по-другому. Моя любимая, моя многострадальная, моя мудрая... Мамочка, как мне не хватает тебя!

Глава 4

- Героическая история Великой страны, похоже, зашла в непроходимые дебри. Волею одного Недалекого: слабо будет сказано, идиота — покажется плагиатом. О, Великий и могучий русский язык. Ос-то-лоп!

Вроде и не дурак и не недоумок, что в обидном обиходе - пусть останется так! Где правда, где неправда?! Кто Иуда теперь, а кто Мессия? Что более ценно: имперское величие и осколки патриотизма, или разрушающая свобода? Как не растерять зерна добра среди чертополоха зла? Почему мощные корни социалистических устоев не дают свежих, мощных достойных побегов? Ужели же все, что воспевалось, чем сообщая гордились, что выстрадано ценой огромных потерь, больше никогда не будет востребовано?! Что по большому счету было не так?! Что и когда родило у Великого народа рабскую суть? Вопросы, много вопросов, и все без ответов. Вне сомнения одно: в мутных водах бОльшая вероятность встречи с дерьмом — отмахнуться бы, не замараться, выстоять в бурном стрежне с надеждой: проснется разум, за ним придет покой, и последние сомнения истины будут сметены самой жизнью. Активные и прогрессивные, неумные и самоотверженные, не могли вы не оставить живой зародыш лучшего из прошлого. Есть еще оазисы без вирусов центристской смуты, где сохраняется дух русской самоотверженности, где гены чистой непосредственности ассимилируются великодушием неприхотливых патриотов. Да не оскудеет поросль молодых побегов под покровом студеного намета. Она и высветит весной, свежими зелеными прогалинками, желанную для

всеобщего разума, ту, нужную новизну. Рука ощущала его легкое прикосновение и, дополняя вкрадчивый, но уверенный просветительский тон, не давала углубиться мыслям, скомкаться в себе испуганной зверушкой, со своим маленьким страхом, оторванным от действительного. Мимо прошла, пронзив пронизательным взглядом, маленькая, с виду сублильная — в самом же деле уверенная и волевая заведующая отделением, возвращенная как личность еще в то суровое, требовательное предвоенное время. Кивнув ей в ответ, собеседник Сереньки задумался, хотел дать какой-то комментарий, но смолчал. С паузой умудренного казуиста заглянул в лицо и, чем-то удовлетворившись, продолжил:

- Вам легче, вы, русские, покорный терпеливый народ, который все еще верит в доброго царя. Кто же я, не могу понять, чего во мне больше: вашей рабской терпеливости, или моей кавказской изворотливости. Года не прошло, как я вернулся на материк с поселения, весь посеченный шрапнелью болезней, с одним лишь здоровым желанием прожить то, что был обязан прожить. Догоняя своих сверстников, ушедших без меня далеко за эти десять лет безвременья, извернуться, а догнать хотя бы крайних из них. Жаловаться и стенать не в моем духе — это от русской матери. Марафонскую дистанцию захотел взять с лету,

как стометровку. А вот сил не рассчитал — поэтому я здесь. Теперь-то мне понятно: не все и не одним махом, а лишь то, что по нынешним скромным возможностям, а, скорее всего, только то, что достаточно для неслышного мирного существования. С тихой радостью в душе, но уже от чужих достижений, с возвращением «мудреца» в голове: «каждому свое». От сильного порыва напряглось, задребезжало огромное стекло, как бы довершая кульминацию его экстаза, и в злое затихшем пространстве из-за спины раздался знакомый голос Светланы:

— Прошу зайти в палату, сейчас будет обход.

Глава 5

Как ни оттягивало сознание наступление вечера, он неизбежно наступал. Дневной персонал, переплощась из значительных и неприступных, в обычные простые и трудноузнаваемые фигуры, тихохонько, словно стесняясь своего положения, выскальзывал на лестничный пролет. И уже внизу совсем растворялся с многочисленными посетителями. Тоска одиночества, какое-то слезливое ощущение безысходности, подзуживало под сердцем, отдаваясь щемящей тревогой где-то под солнечным сплетением, сковывалось дыхание, множились тревожные мысли. Обострение возникало чаще тогда, когда в ночь выходила Светлана. Сознание выцарапывало из глубин-

ных недр незнакомые состояния, и это увеличивало страх пережить еще раз состояние конца. Если бы Серенька знал тогда о начале своей новой эпохи! Ведь эпоха — это масштаб, десятилетие жизни. Стал бы он со скрупулезностью часового мастера копаться в неизвестном механизме ощущений? Познания истины, через размышления, действительно рожают философский образ жизни, но коварная грань совсем уж недалеко от безрассудства предохраняющего биологический порог. По длинному затемненному коридору наматывали усталость двое престарелых завсегдатаев вечерних прогулок. А у одинокого освещенного столика застыла фигурка Светланы, с близкими, но пугающими контурами в вытянутой на стене тени. Саркисов ложился рано. Он устраивался высоко на подушках, складывал на животе руки и лежал так до самого утра тихо и безмятежно. По его неслышному дыханию нельзя было понять: спит он или выстраивает сври новые аксиомы. стоило к нему в это время приблизиться на расстояние одного шага, он неизменно открывал глаза. Зная эту его особенность, желая подпитки от его оптимизма и жизнелюбия, Серенька иногда злоупотреблял. Сегодня букету Саркисова прибавился еще «цветочек» — сахарный диабет, Сереньке было стыдно отягощать его еще и своими надуманными «страстями». До отбоя можно побродить, а даль-

ше? На очередном витке, без слов, опустился на стул рядом со Светланой, с сумятицей в голове, совершенно не готовый к разговору. Она подняла глаза и тут же опустила их, задумавшись. Замерев на мгновение, опять посмотрела, но уже спокойнее, изучающе:

— Скучаете?

Не отвечая на вопрос, Серенька попросил посидеть тихо рядом. Она молчаливо согласилась. Близко, в другом состоянии, он ненавязчиво рассматривал ее. Тревожные мысли на время отвлеклись, а бумага, шуршащая под ее пальцами, успокоила.

— Я не отвлекаю вас? — сколько можно просительно произнес, почти прошептал Серенька. Так же шепотом, в тон ему, она ответила:

— Ничего, сидите...

Она хотела еще что-то сказать, но оборвала себя на полувздохе. По-видимому, возобладавшее мгновенно, ее повышенное чувство ответственности, остановило от желания продолжать тему. Серенька оставался безмолвно сидеть, слушал ее дыхание и все больше понимал: рядом такой же слабый человек, только облеченный служебными обязанностями, которому доверена в предстоящую ночь судьба нескольких десятков болящих с самым разнообразным психологическим критерием. Почувствовав взгляд, она встала и одернула, скорее для формы, чем это было

возможно, вздернутый много выше колен крахмальный халатик. Облегающие формы его рубцами обозначили границы белья. За возбуждающими мужскими наблюдениями у Сереньки отвлекались тревожные мысли, но теперь до судорожного желания захотелось вернуть рукам знакомое ощущение ее возбужденного теплого живота. Возможно, он слишком пристально остановил на ней свой взгляд — она завозилась и подняла глаза. «Что-то испуганное, затаенное в ее лице. Какого цвета у нее глаза? Не жгут — значит, светлые. Зачем ему это?»

Глава 6.

Саркисов — в тюремном обиходе «Пастор». От отца ему передались смуглость кожи и черные вьющиеся волосы, живость и нестандартность мышления. «Вов-чик» — как это было давно! От мамы он унаследовал светлые глаза и особое обаяние, и еще терпеливую рассудительность, они-то и приклеили к нему этот ярлык. На уральский механическом заводе начиналась много лет назад его трудовая карьера в качестве инженера-технолога, она осталась для него первой и последней отметкой в трудовой книжке. Уже через пять лет его заметили - он возглавил крупный ремонтно-строительный участок того же завода, а по истечении десяти — стал заместителем директора по производству. Увлёкся рационализаторской работой. Увле-

чение и сыграло с ним коварную шутку. Используя свое служебное положение, без всякого согласования внедрил разработанный им же специфический моющий раствор и новую технологию очистки водогрейных труб пароводяных котлов, с сокращенным сроком вывода из эксплуатации. Механическая очистка по старинке отнимала уйму времени. Экономия трудозатрат сулила немалые дивиденды. Более того, на малых вспомогательных котлах обкатка прошла успешно. Мысленно он уже неся в отпуск на своей роскошной черной «Волжанке». Инертность высоких инстанций бесила. Элемент авантюризма в данной затее, конечно, был. И только по чистой случайности — отказе автоматики на соседнем котле — произошел взрыв. .. Три жертвы, и десять лет лишения свободы. Вина его была очевидна — он отвлек персонал от выполнения основных обязанностей. Чаще, лежа на спине с закрытыми глазами, Саркисов не спал. Фрагменты лагерного быта он пытался загасить в сознании силой воли. Жизнь разделилась на «до» и «после». Прошлое, до лагерное, стерлось почти начисто, будто было невнятно рассказано ему кем-то посторонним. Как невзначай подслушанный сюжет, как утренний скоротечный сон, оно оставило лишь отрывочные воспоминания.

- Тюрьма отлила из него, как из затаившегося под

пластом сопутствующей породы минерала, драгоценный слиток — симбиоз природной мудрости. Только зачем она ему теперь? — переключал он голову на новую задачу. Жалко парня-соседа: не понимает, что легкая зуботычинка — не преграда в жизни, а подспорье к ней. Научиться оценить ее по достоинству сможет лишь тот, у кого случилось их достаточное количество, как, например, у него. И чем раньше придет понимание, тем осмысленнее и целеустремленнее дальнейшее твое существование. Где-то бродит — ищет толк в ногах, а истина не в них — она в понимании известных базовых понятий.

Глава 7

— А глаза-то у вас серо-зеленые! — прошептал Серенька без вступления и подготовки. Оказывается, вот что вернуло меня из темного в голубой простор! В Светлане проснулось женское начало. Даже под бликом светильника лицо ее заметно зарделось, мимика превратилась из значительно-сосредоточенной в беспутно-победоносную. Она игриво повела плечами: сейчас случится чудо... И, по-видимому, только усилим обитающей в ней большой воли, она смогла повернуть тон общения в больничное русло. Опустив глаза в свои бумаги, она казенным голосом выдохнула:

— Организм пошел на поправку, хочется разнообразия,— продолжая, при этом подчеркнуто внима-

тельно, всматриваться в лежащие перед ней записи.

— Отвлекая, а на завтра поплачусь за это чужими таблетками? — бездумно выдавил из себя Серенька, первой попавшейся на ум больной фразой, заполняя паузу.

Потеплевший на мгновение ее взгляд ожесточился, на лице застыла неприступная маска безразличия, и он понял: пора уходить. Суетливо пожелав спокойной ночи, протиснулся в приоткрытую дверь душной палаты. Груда в углу выдавала терцию, послеоперационный больной тяжело дышал. Саркисов застыл в позе погребенного фараона. Стараясь не шуметь, лег, приняв удобное положение на спине - для мыслей, для сна он всегда ложился на правый бок. Устроился, прокручивая в голове возможное окончание несостоявшегося диалога.

- Что так контрастно повлияло на ее поведение? Не верит в искренность? Много вас, скучающих болящих, с дешевыми комплиментами! – рассуждал он. - Только не зарываться в себя. Но мысли исподволь возвращались к собственному телу, сердце начало разбухать, отдаваясь в груди учатившимися отрывистыми переборами.

- Ведь в коридоре я его не чувствовал, -лихорадило мозг. Астеноипохондрический синдром — вспомнил он чужой диагноз. Знать бы достоверно, что случи-

лось со мной, пусть бы даже самая худшая, но правда. Больное воображение завело далеко, в область подшитой почки. В тревожных мыслях незаметно уснул. А утром, в суете наступающего дня, издевательски коря себя за вечерние мысли, лежа еще с закрытыми глазами, начал подбрасывать в тлеющий костер пугающие вчера картины, но, увы, кроме внутренней усмешки, ничто не воспламенило его. Ветер стих, над перевалом занималась заря. Голые ветви корявого дуба покрылись копошащейся серой массой воробьев. На ошестинившихся в небо пиках старого тополя рассредоточилось воронье. Все живое ждало посул нового дня. Даже заправленная кирпичиком, по-казарменному, постель Саркисова, вписывалась в многообещающий фон наступающего обновления.

Глава 8

Прошедшая ночь не оказалась тяжелее других для Светланы. Удалось забыться на пару часов. Но вечерний разговор остановился в сознании. «Кажется, он догадывается о чем-то?» Утром молча, без объяснений, положила на стол «старшей» заявление об увольнении. Приписка в конце: «

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.